

В.В.Трепавлов

Малая Ногайская Орда. Очерк истории.

// Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2005. С. 273–311.

Этногенез и ранняя история ногайского народа остаются во многом неизученной из-за недостатка источников. Однако даже те материалы, которыми историки располагают на сегодняшний день, позволяют с уверенностью утверждать: по происхождению ногайцы – это восточные кипчаки, а их государственное образование, Ногайская Орда XV–XVII вв., по своему территориальному положению, административному устройству, внешней политике этническому составу населения, его языку и культуре выступала непосредственной преемницей прежних кочевых империй Евразии. В историческом плане она унаследовала кочевую цивилизацию Золотой Орды.

При этом истоки ногайской истории не могут связываться исключительно с Заволжьем. Во-первых, ногайцы как часть огромного кипчакского мира были потомками тех кипчаков, которые в раннем средневековье заселяли северокавказские степи. Во-вторых, в ходе длительных миграций восточно-кипчакские (будущие ногайские) племена во второй половине XIV в. – до образования Ногайской Орды – заселяли и некоторые местности Северного Кавказа (по Кубани, Тереку), о чем сохранились воспоминания в исторических преданиях башкир, каракалпаков, чеченцев и др. Таким образом, ногайцы являются потомками давних жителей этого региона.

Во второй половине XVI в. наблюдалось постоянное продвижение так называемых Больших (т. е. заволжских) Ногаев на запад, что неизбежно приводило к еще более тесному их соприкосновению с народами Северного Кавказа. В степном Предкавказье появлялось все больше кочевых улусов, и эта зона постепенно стала рассматриваться как часть Большой Ногайской Орды. После наплыва номадов из-за Волги в 1630-х годах Закубанье и левобережье Кубани тоже превратились в ногайские пастбища. Кроме того, в Центральном Предкавказье и на Северо-Западном Кавказе во второй половине XVI – первой трети XVII вв. существовала Малая Ногайская Орда (Малые Ногаи или Казыев улус).

Историки давно выяснили существование Большой и Малой Орд, но основное внимание уделяли первой и главной из них – находившейся под управлением верховного государя (бия). И если Большой Ногайской Орде посвящено немало исследований, то Малая пока не удостоивалась монографического изучения.

Один из не выясненных вопросов – время отделения Малых Ногаев от Больших. Абсолютное большинство историков связывает этот процесс с междоусобной ногайской смутой 1550-х годов или с событиями, ей предшествовавшими. Некоторые более осторожны и, не располагая материалами источников, датируют отделение более общо: целым столетием или царствованиями – крымского Сахиб-Гирея (1532–1551) или московского Ивана IV (1533–1584), или периодом почему-то существования Астраханского ханства (см., например: [Бутков, 1869, с. 170; Мутенин, 1948, с. 130; Inalcik, 1948, p. 359]) /2/. К 1549 г. относит образование Малой Орды Ш.Лемерсье-Келькеже, к середине или

концу 1550-х годов – В.М.Жирмунский, А.Каппелер, А.Н.Курат, М.Г.Сафаргалиев, А.И.Сикалиев и многие другие [Жирмунский, 1974, с. 485; Сафаргалиев, 1938, с. 157, 158; Сикалиев, 1994, с. 43; Bennigsen, Lemercier-Quelquejay, 1976, p. 208; Kappeler, 1992, p. 90; Kurat, 1961, p. 11, 12; The North, 1992, p. 23]. Все они связывают это событие с расколом заволжских кочевников в эпоху бия Исмаила (1554–1563 гг.), с уходом ногайского аристократа-мирзы Гази б. Урака /3/ из-под власти бия из-за несогласия с “вокняжением” бия Юсуфа в 1549 г., а А.Каппелер – с дестабилизацией экономической ситуации и международных отношений в Дешт-и Кипчаке после падения Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств.

Особняком стоят единичные, не сообразующиеся с документальными фактами суждения о формировании Малой Орды на базе обособившихся улусов джучидского беклербека Ногая (см.: [Евстигнеев, 1995, с. 79; Vernadsky, 1953, p. 190]). Равно как не существовало “западных ногайцев”, изначально якобы кочевавших отдельно от заволжских ногаев и составивших основу Малой Орды (см.: [Сикалиев, 1994, с. 43]). По единодушному мнению специалистов и по сведениям источников, которые приведены ниже, исход подданных Гази из Ногайской Орды на запад случился только в связи с междоусобными раздорами, без какой-либо опоры на “западных ногайцев”. Ногаи же Крымского ханства, действительно проживавшие к западу от обеих Орд, ни принимали никакого участия в складывании Казыева улуса.

Лучшим аргументом и наиболее авторитетным свидетельством о времени и обстоятельствах обособления Орд могут служить сведения, исходящие из среды самих средневековых ногаев. М.Г.Сафаргалиев, опираясь на Посольские книги в публикации Н.И.Новикова, утверждал, будто имя Гази б. Урака впервые упоминается в июне 1555 г. в связи с убийством бывшего астраханского хана Ямгурчи; тогда же в первый раз говорится о газиевых людях на Крымской (западной) стороне Волги [Сафаргалиев, 1949, с. 52; Продолжение, 1793, с. 182, 186]. На самом же деле на Руси об основателе Малой Орды узнали тремя годами раньше. В мае 1552 г. Нурадин /4/ Исмаил сообщил Ивану IV, что “из Астрахани люди выехали да пристали к Казы мирзе, и учинилось их четыреста человек”. Исмаил предлагал царю ловить их выше Переволоки /5/, а сам будет делать то же ниже по Волге [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 103, 103об.].

Таким образом, к весне 1552 г. Гази уже находился на правом берегу, служил центром притяжения для эмигрантов из Ногайской Орды, и мы можем датировать его появление там началом 1550-х или, вслед за Ш.Лемерсье-Келькеже, концом 1540-х годов. На тот период указывает и заготовка ответа на возможный вопрос османов о ногаях в наказе послу в Стамбул Г.А.Нащокину в марте 1592 г.: “А нагаи Казыева улуса издавна з заволжскими нагаи одни были. Как учинилась рознь Казы мурзе с Ысмаилем князем, и Казыи с своим родом... почали кочевать на Крымской стороне меж Асторохани и Азова тому болши сорока лет” /6/ [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 42–42об.], т. е. ранее 1552 г. Окончательный разрыв между заволжскими и приволжскими улусами произошел с началом смуты в Ногайской Орде (1554 г.) и описан бием Иштереком астраханским воеводам в ноябре 1604 г. – “Как было преж сего при Исупе князе и при Смаиле, и в те поры Казыева улуса не было, а был нагаиской один Юсуф князь... И в те поры в Нагаях меж князя и мурз и улусных людей розни некоторые не было. А как Смаиль князь убил Юсуфа князя, и Смаиль князь с мурзами и с улусными людьми учал кочевать на Нагаиской стороне... а Казыи мурза учали кочевать на Крымской стороне под Азовом, и

учали с тех мест быти Казыев улус” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 65; Акты, 1918, с. 102].

Как видим, причиной и временем финального разрыва Гази с бием оказалась, в интерпретации Иштерека, узурпация Исмаила. Ногайский эпос тоже связывает отделение “Казия” с враждебными действиями Исмаила – правда, не с братоубийством, а с интригами последнего против малолетних сыновей убитого им Урака (см., например: [Ананьев, 1900, с. 24; Головинский, 1878, с. 314]).

Большие и Малые Ногаи относились друг к другу, как правило, враждебно. В первые десятилетия после разделения примирение между последними казалось невозможным. В 1577 г. мирза Хан б. Урус твердо отмечал, что казыевцы “себе улусом живут” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 8, л. 73–73об.]. А в 1615 г. Иштерек-бий уже фактически уравнивал свою Орду с Малой, прося для ее мирз такого же жалованья, что и своей родне, “Исмаиловым детям” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 7, л. 13]. Тот же Иштерек в 1604 г., продолжая рассказ о расколе ногаев, поведал воеводам, что “у Смаиля князя и у Тенехмата князя /7/, и у Тенехматовых дети с Казыевым улусом... учала быти рознь великая и кровь проливатца многая за то, что оне меж себя в кочеванье в розни учинились” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 65–66; Акты, 1918, с. 102–103].

Наименования, территория и население Малой Ногайской Орды

В русских документах XVI в. Малая Орда обозначалась как “Казыев улус”, в XVII в. его сменили “Малые Ногаи”, а затем “Малый Ногай”. Разумеется, русские не сами придумывали эти названия, а воспроизводили (переводили) их со слов ногайских информаторов. Тюркоязычные документы действительно именуют Юрт Гази улус и Кучук ногай (см., например: [РГАДА, ф. 127, оп.1, 1648 г., д.1, л. 406]).

Когда произошла смена первого наименования вторым? М.Г.Сафаргалиев утверждал, что впервые “Малые Ногаи” были поставлены на место “Казыева улуса” в “Книге Большому Чертежу”, т. е. в 1627 г. [Сафаргалиев, 1949, с. 52] /8/. Материалы приказного делопроизводства позволяют уточнить дату. Терский воевода Н.Д.Вельяминов рапортовал на государево имя в 1618 г., что крымский царевич, эмигрант и авантюрист Шахин-Гирей рассказывал проезжему донцу о том, как тайбуга /9/ Кара Кель-Мухаммед побывал в “Малом Казыеве улусе” и вел переговоры со всеми мирзами “Малово Ногаю” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1618 г., д. 1, л. 14, 16]. Московские же канцелярии и Большие Ногаи в то время по-прежнему употребляли сочетание “Казыев улус”. Видимо, “Кучук нугай” являлось сравнительно новым понятием и смешивалось в речах соседей Малых Ногаев со старым обозначением (отчего и получился “Малый Казыев улус”). В обращении к воеводе Вельяминову в следующем году Посольский приказ употребил композиту “Меншие Нагаи”, приняв, таким образом, сообщенное терцами наименование Малой Орды и трактуя его по своему разумению: “меньшие”, а не “малые”.

Впрочем, это нельзя считать абсолютной терминологической новацией. Очевидно, оба названия Малой Орды еще в XVI в. в русском политическом лексиконе существовали параллельно – при описании крымского нашествия на Москву 1571 г. летопись перечисляет среди его участников “нагаев больших и меньших” [ПСРЛ, т. 31, с. 140] /10/.

Трактовать смысл имени “Малый” (кучук) возможно вслед за А.Куратом в виде отличия от заволжской Большой Орды [Kurat, 1961, p. 12]. Однако понятие “Большая Орда” фиксируется у ногаев еще в первой половине XVI в. как обозначение кочевого сообщества под управлением главного мангытского бия. В тех условиях не могло быть “малой” Орды, так как не могло появиться “малого” бия. Лишь по прошествии десятилетий “Большая Орда” обрела дополнительное значение, отчего и стало возможным образование антонимичного словосочетания “Малая Орда” для Казыева улуса.

Юрт Гази служил пристанищем для кланов, выезжавших из-за Волги и оппозиционных тамошним правителям. К таким кланам относились не только Шейдяковы. Среди первых обитателей Малой Орды оказались, помимо подданных самого Гази б. Урака, улусы сыновей бия Юсуфа, свергнутого Исмаилом в 1554 г., а также потомство высокопоставленных мирз, вытесненных из Большой Орды, – Хаджи-Мухаммеда и Мамай [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 42об.; ф. 127, оп. 1, д. 10, л. 144об., 145; Сафаргалиев, 1949, с. 159]. Поселились там и “Шийдаковы дети” – это отпрыски нурадина Саид-Ахмеда б. Мухаммеда б. Исмаила, от которого происходили малоногайские бии Баран-Гази и Касим, а также потомки бия Саид-Ахмеда б. Мусы – предка малоногайского бия Якшисаата. К началу XVII в. там насчитывалось восемьдесят мирз; “Роспись мурзам Малого Нагаю” 1638 г. перечисляет восемьдесят четыре имени [Путешествия, 1954, с. 174; РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 32, л. 17–21].

“Улусные люди” этих мирз сохраняли свою принадлежность к прежним племенным общинам-элям. В разных документах встречаются упоминания о “родствах” мангыт (в том числе кара-мангыт), китаи, мин, аз, бузлук керейт, кара кипчак и туде кипчак, уйшун [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 50; 1628 г., д. 5, л. 23; 1633 г., д. 1, л. 82, 85]. Однако в течение XVII столетия деление на эли утратило былую значимость и стало сопровождаться обозначением общин через имена их первых правителей. Касим (Касай), Мамай, Науруз и прочие мирзы стали эпонимами подразделений “Малого Ногай”. Вместе с тем память о племенном происхождении у ногаев сохранялась, и еще в 1780-х годах названия элей сочетались с эпонимами (“Наурузовского рода мангытские жилища”, “Наурузовы дети и мангыты”) [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 235, л. 11в, 11г, 12 об.].

Основные кочевья Малых Ногаев располагались в центральном регионе степного Предкавказья, причем с течением времени они отодвигались все дальше к западу. Малочисленность населения и необходимость держаться вместе в окружении враждебных соседей вынуждала их селиться более-менее компактно и не распространять маршруты сезонных передвижений на очень большие расстояния. Поэтому необоснованными выглядят суждения о проживании Малой Орды одновременно по всей Южной Украине, в Подонье, Приазовье, Причерноморье, ее летовках на землях будущей Саратовской губернии (см., например: [Алексеева, 1957, с. 37; Герасимов, 1923, с. 104]).

Малые Ногаи концентрировались поначалу, главным образом, в степях нынешнего Ставрополя. Есть данные от 1571 г. о “беглых мурзах, которые стоят на поле меж Черкас и Азова, – Казые с товарищи” [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 23]. В 1616 г. посол О.Зюзин описывал заволжских номадов, что перебрались на Крымскую сторону и ныне “кочуют по Манычу и по Куме, где прежде сего кочовывал Казыев улус” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 10, л. 3]. В то время основная масса Малых Ногаев отхлынула на запад, но позднее некоторые их улусы возвратились.

По документам первой трети XVII в., занятая ими область очерчивалась на востоке нижним течением Кумы (пять дневных переходов от крепости Терки), на юге Пятигорьем, на западе средним течением Кубани (четыре дневных перехода от Азова), на севере приблизительной широтной линией между устьями Дона и Волги. Одним из центров притяжения и одной из главных ставок Орды были развалины золотоордынского города Маджары (см.: [Белокуров, 1888, с. 549; Волкова, 1974, с. 81; Кушева, 1963, с. 142; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 23, 24, 51, 159]) /12/.

“Книга Большому Чертежу”, составленная во второй половине XVII в. на основе протографа 1627 г., дает следующее описание: “А от реки Кубы (Кубани. – В.Т.), от гор к Черному морю и к Азовскому морю и до верха реки Маначи от тех гор все кочевье Малых Нагаев Казыева улусу... А ниже Улки горы, меж морь и гор, от Чорного и от Азовского моря все кочевье Малых Ногаев... А промеж от усть реки Дону от Азова от Азовского море и от Чорного море по реке по Кубе и по реке по Манычю и до горы до Улки, а Улка гора на поли промеж Азова и Астарахани 300 верст, а от Астарахани тож, а на реке на Куме Мажаров юрт; и в тех местех на тех полех все кочевье Менших Нагаев” [Книга, 1950, с. 88, 92, 147].

Примерно то же пространство, но расширившееся к западу, обрисовано в зачине ногайского лирического дастана “Толеген и Кыз-Йибек”: “Во времена прошлые, Когда народ наш был в сохранности, в составе Младшей Ногайской Орды (Киши Ногай ишинде – букв. “внутри Малого Ногай”. – В.Т.), была страна Ягалыбайлы (Богатые берега. – В.Т.). Границей Ягалыбайлы были Берега озера Белое море (т. е. Азовское море. – В.Т.), Летними пастбищами были Балки и склоны холмов На берегах Черного моря” [цит. по: Сикалиев, 1992, с. 167].

Следы пребывания Малых Ногаев на Северном Кавказе долгое время сохранялись в топонимике. Селения Касаева яма и Касаево располагались на границе Ставропольской и Терской областей и на реке Куме во второй половине XIX в.; в наше время на правом берегу Кубани существует Ногайский перевал, как называют его местные шапсуги (Ногай хъуз) [Бентковский, 1883, с. 5; Калоев, 1993, с. 98] /13/.

Данные о численности жителей Казыева улуса очень скудны. Как правило, и в источниках, и в литературе приводится количество воинов. М.Г.Сафаргалиев оценивал его для начала XVII в. в двадцать тысяч человек, а А.П.Архипов со ссылкой на предания писал, что “Малый Ногай во время процветания своих сил и могущества мог выставить в поле до шестидесяти тысяч воинов, исправно вооруженных и храбрых” [Архипов, 1855, с. 119; Сафаргалиев, 1949, с. 52]. Пользуясь общепринятым пятикратным соотношением между боееспособными мужчинами и остальным населением у кочевников, выводим общее количество казыевцев соответственно в сто или триста тысяч человек.

Цифра А.П.Архипова больше соответствует материалам источников. В 1588 г. крымские хан Гази-Гирей и царевич Фатх-Гирей сообщали царю, что после распространения власти Бахчисарая на Малую Ногайскую Орду “х крымской рати прибыло воиска болши ста тысяч” [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 192–192об., 194об.] (правда, сюда включались также улусы бия Уруса, перебравшиеся на западный берег Волги). Через двенадцать лет московский посол в Англии Г.И.Микулин рассказывал лорду-казначею в том числе и о предмете нашего интереса: “А... Барангазы князь з братьею и з детьми, и с племянники –

восмьдесят мурз, а у них воинских людей пятьдесят тысяч” [Путешествия, 1954, с. 174] (т. е. 250 тысяч общей численности населения). Наконец, уцелевший фрагмент грамоты какого-то казыевского мирзы царю Михаилу Федоровичу около 1615 г. гласит: “А всех нас ратных людей есть тысяч с сорок” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 9] (т. е. 200 тысяч общей численности). Следовательно, возможно оценить количество обитателей Малой Ногайской Орды в диапазоне от 200 до 300 тыс. чел. – по крайней мере, для конца XVI – первой трети XVII вв.

Гази и его улус

Родовая ветвь, к которой принадлежал Гази б. Урак, в 1530-х годах оказалась оттеснена от власти. Выйдя из Ногайской Орды, Гази фактически поставил себя вне ее улусно-эльной системы /14/. По понятиям той эпохи, он стал типичным скитальцем-“казакон”. Так он рекомендовал себя сам в обращениях к Ивану IV, так же расценивались его соратники [см.: РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 5, л. 214; Записки, 1988, с. 188]. “Мы на лихом месте живем... живем есмя на поле”, – делились с царем родичи Гази в 1563 г. [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 230]. “Лихое место” находилось в кумо-маньчских степях и в Пятигорье, между Астраханским и Крымским ханствами. Именно это обстоятельство служило Исмаилу удобным поводом отнекиваться от походов на Крым в союзе с русской армией: пусть, дескать, сначала царь Иван Васильевич сгонит Гази с данного “промежка” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 191; д. 6, л. 80об., 91об.].

Первое время ногаи-“казаки” обретались, вероятно, на степных пастбищах, следя за развитием событий разгорающейся смуты в Ногайской Орде. Гази в то время был чрезвычайно легок на подъем и использовал любую возможность, чтобы вторгнуться в Заволжье и сцепиться с Исмаилом (в 1555 г. ему вместе с Юсуфовичами удалось даже временно свергнуть его) или поучаствовать в крымско-ногайских военных интригах вокруг обреченной Астрахани (в том же году он убил ее бывшего хана Ямгурчи) [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 295; Книга, 1850, с. 82; Летописец, 1895, с. 24, 25; ПСРЛ, т. 13, ч. 1, с. 245; т. 20, 1-я половина, с. 560].

Позднее буйное “казачество” стало уступать место налаживанию стабильной улусной жизни. Гази сумел договориться с кабардинской знатью об укрытии в недоступных горах, что позволило ему стать практически неуязвимым. “И он стоит в крепостных местах, а надежда ему на черкасы, – сообщал царю в 1562 г. Исмаил. – В крепостях избывает, не дастся взяти” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 80об.]. Он же писал о попытках Гази наладить торговлю с уже русской Астраханью – правда, пока через посредничество тамошних татар [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 78об., 79].

Под начало Гази стекались мирзы, вытесненные в ходе междоусобиц из родных мест или не желавшие подчиняться Исмаилу. Они двигались на Северный Кавказ в сопровождении сотен подданных, вместе с отарами и табунами. Таких переселенцев становилось все больше. В 1564 г. Урус, нурадин Ногайской Орды, разоренной голодом, эпидемиями и распрями, с горечью отмечал, что “недруг наш Казы умножил, а нас мало” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 7, л. 51].

Рост числа жителей и военного могущества нового Юрта вызвали изменение статуса его лидера. Хронологический рубеж этого изменения может быть восстановлен по одному из донесений московского посла в Крыму А. Нагого. В

конце мая 1569 г. тот узнал, что к хану Девлет-Гирею явился газиев посол с информацией о том, что “Тинехмат князь с Казыем мурзою не помирились”, а мирза Ак б. Юсуф оставил заволжскую Орду и “пришел... к Казыю мурзе”. Вскоре после этого сам Ак прибыл в Бахчисарай. Хан его обласкал, отпустил обратно на новую родину 15 июня и “велел ему кочевать с Казыем князем вместе” [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 256, 269]. Следовательно, Гази обзавелся бийским рангом.

Нет никаких намеков на то, что к этому был причастен крымский государь. Судя по всему, новое качество главы Казыева улуса приобрел в результате провозглашения его мирзами-соратниками. Может быть, прибытие туда Ака б. Юсуфа и стало той последней каплей, которая привела улусную аристократию к мысли, что новое ногайское владение достаточно многолюдно и сильно, чтобы занять собственного бия. Поскольку посол Гази в конце мая 1569 г. аттестовал своего патрона как мирзу, а прибывший в Крым вслед за ним в середине июня Ак б. Юсуф – как бия, то резонно допустить, что “коронационный” съезд состоялся в первой половине июня 1569 г. С этого времени в Казыевом улусе появляется свой правитель, а сам Улус уже может трактоваться не как полуразбойничье сообщество “казаков”, а как стабильная политическая структура – Малая Ногайская Орда.

Очутившись “на поле меж Черкас и Азова”, выходцы из-за Волги поневоле оказались субъектами сложных международных отношений. Гази и его окружению пришлось налаживать сложные отношения с Крымом, Турцией, Россией и кавказскими княжествами. В западном Дешт-и Кипчаке второй половины XVI в. безраздельным гегемоном стало Крымское ханство, и одной из главных задач Гази должно было стать установление контактов с Гиреями.

Но первое время, до конца 1550-х годов, он, очевидно, не испытывал пиетета перед бахчисарайскими династами. Наверняка сказывалась традиционная неприязнь ногаев к крымцам. Еще в 1555 г. Гази поднял свои отряды против астраханского хана, поддерживаемого Девлет-Гиреем.

Однако уже в начале 1560-х годов пошли вести, будто “с крымским царем Казы мирза содиначился”, “Казы мирза с крымским царем заодин”. А в начале следующего десятилетия стало известно, что “Казыи... с товарищи во всеи царево воле” [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 23; ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 187об.; д. 6, л. 7об.]. В 1560 г. Гази заключил с Девлет-Гиреем договор, одним из пунктов которого значилось “Казы мирзе... Крыму недружбы никак не дельвати” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 193об.; д. 6, л. 235]. По мнению окрестных владетелей, данный союз был прочным и искренним и даже вызывал зависть у Больших Ногаев. Через семь лет их глава Дин-Ахмед просил хана жаловать его так же, как “брата нашего” Гази [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 12, л. 343об.].

В Крымском же юрте само появление новой Орды ногаев считалось заслугой бахчисарайской дипломатии. “А Казыев улус – еще отца моего, Девлеть Киреева царева величества, устроенье”, – писал в 1588 г. хан Гази-Гирей б. Девлет-Гирей [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 192об.–193]. По эпической версии, трое сыновей покойного Урака, включая трехлетнего Гази, явились к крымскому хану Адиль-султану и убедили его в своем происхождении от знаменитого ногайского героя. “Мурзы хана стали с того времени относиться к братьям доверчиво, и хан... поклялся всегда защищать их и не мстить за своих предков”, убитых некогда в ногайско-крымских столкновениях [Ананьев, 1909, с. 20, 21].

Подтверждением союза стал обмен младшими родственниками как заложниками (залог) дружбы. В таврическую столицу прибыли два газиевых кузена, а к нему были направлены на жительство сыновья Девлет-Гирея Мурад-Гирей и Фатх-Гирей – для того, “чтоб царь был верен ему (Гази. – В.Т.), а он был верен и крепок царю” [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 62об., 63; д. 14, л. 23; ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 7об., 235] /15/.

А.А.Новосельский расценивал это сотрудничество как “интимную дружественную связь”, П.А.Садиков – как “союз полувассального характера”, А.П.Григорьев – как фактическое подданство Крыму [Новосельский, 1948а, с. 16; Садиков, 1947, с. 160; Эвлия Челеби, 1979, с. 221 (примеч. А.П.Григорьева)]. Указанные определения описывают разные стороны и аспекты крымско-казыевских контактов. Главной же целью последних являлся, видимо, военно-политический альянс против общих врагов – в том числе России и Большой Ногайской Орды. Гази участвовал в кампании Гиреев против Астрахани 1569 г., походах на Москву 1571 и 1572 гг. Одним из пунктов соглашения между ними были как раз совместные действия на севере: “будет... тебе (хану. – В.Т.) Белого царя воевати, ино... перед тобою яз (Гази. – В.Т.) саблю доведу”. Девлет-Гирей в ответ обязался: “Князя (т. е. бия Больших Ногаев. – В.Т.) воевать яз тебе рать дам” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 11, 11об.].

Тем не менее нельзя рассматривать отношение казыевцев и их тогдашнего предводителя к крымскому монарху как безграничную преданность и абсолютную солидарность в политических вопросах. Случались и принципиальные расхождения. Например, в апреле 1574 г. Девлет-Гирей узнал, что Гази повоевал его данников-черкесов. Он потребовал от бия вернуть захваченный в походе полон, а самому с войском присоединиться к крымской армии, которая по приказу султана снаряжается в поход на волошского государя. Гази отказал: “Мне... полон как дать? Ведь... полон даром не доставаетца. У меня... людеи многих побили, и мне... люди свои на ком взяти? Полону черкесом не отдам, а сам к тебе не иду”. – И не пошел [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 258об.–259].

Встречающееся иногда в литературе утверждение о подданстве Гази османскому падишаху [см., например: Новосельский, 1948а, с. 15; Эвлия Челеби, 1979, с. 221 (примеч. А.П.Григорьева)] не находят убедительного подтверждения в источниках. Стамбульское правительство практически не общалось с Малыми Ногаями, а их контакты с его представителями в Азове активизировались при Гази лишь в конце 1560-х годов, когда Порта начала сколачивать коалицию в преддверии астраханского похода; во время самого похода казыевцы примыкали к турецкой части армии [Записки, 1988, с. 190; РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 41об.]. Кроме того, Азов привлекал их как рынок для приобретения хлеба, импортируемого из Турции [Новосельский, 1948б, с. 212].

Отношения с Московским царством развивались в основном в сторону охлаждения. В первые годы “казачества”, еще при Юсуфе, Гази обращался к Ивану IV с просьбой допустить его на жительство в его владения. Ту же просьбу он повторил в 1557 г. Царь не возражал (“сколко похочешь, столко у нас живи”) [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 14об.–16об.], но, как ясно из последующих событий, до практического воплощения этих намерений дело не дошло. Гази обосновался в Черкесии и стал злейшим врагом Исмаила – союзника Ивана Васильевича. Планы переселения в Россию пришлось оставить. В начале 1560-х он уже пробовал выпросить из Москвы лишь жалованье. Царь вновь не

отказывал, но одновременно сообщал Исмаилу о своем поручении донским казакам “промышляти, как уместно” над казыевцами [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 210об., 214].

Активные действия и неприязнь Гази к Большим Ногаям, а также его угроза “украинам” заставляли правительство настраивать южных воевод “Казыя мурзу всех болши... воевати” – но только до тех пор, пока тот не изъявит твердого желанья вступить в мирные отношения с Москвой. Кстати, в руках у кремлевских политиков имелось дополнительное средство воздействия на вождя-“казака”: его сестра была замужем за служилым татарским царевичем Бек-Пуладом б. Шейх-Аулиаром и давно осела в русской столице. Около 1562 г. она в письме к брату уговаривала его склониться к государеву жалованью [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 111, 114об.].

Сближение наметилось, когда в октябре 1563 г. прибыло посольство от Гази, мирз Якшисаата б. Мамаю и Ислам-Гази б. Саид-Ахмеда с декларацией о намерении служить великому государю. Русские поставили условие: или переезжайте жить на Русь, или служите нам “в Черкасах” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 230, 230об., 248об.–249об.]. И опять ничего не получилось. Во-первых, дьяки Посольского приказа посчитали, что обращения к царю составлены ногаями “невежливо”; во-вторых, начались казыевские набеги под Астрахань и угоны скота. Жесткий отказ встретило предложение степных послов выслать к Гази обретавшихся в Москве Юсуфовичей (царь не хотел усиления противников Большой Орды). В 1565 г. было объявлено о полном прекращении посольских связей России с Казыевым улусом [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 7, л. 69, 69об., 76об., 77]. К концу 1560-х годов их отношения полностью расстроились, и Малые Ногаи превратились в постоянную угрозу для южного русского пограничья.

При всех попытках заигрывания с Москвой, Бахчисараем и Стамбулом истинной опорой “казаков”-выходцев из-за Волги стали кабардинские княжества. “Казыево пристанище у них” оказалось ядром будущей Малой Ногайской Орды. Исмаил не раз с досадой отмечал неуязвимость Гази под защитой горцев. Выше приводились данные о базировании его в их “крепостях”. Горные ущелья и теснины были недоступны для кочевой конницы: “места крепки, без пушек и пищалеи взяти его (Гази. – В.Т.) немочно”, “и как мы похотим воевать Казы мирзу, и он от нас убегает к черкасом” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 166об., 188об.; д. 6, л. 86]. Если союз с Крымом был закреплен обменом почетными заложниками, то альянс с черкесами ознаменовался браком Гази с дочерью князя Пшеапшоки Кайтукина (не позднее 1562 г.) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 13, л. 41; ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 91].

Если учесть женитьбу Ивана IV и Дин-Ахмеда б. Исмаила на дочерях главного противника Пшеапшоки – Темрюка Идарова в 1561 г., то становится ясно, что кабардинские княжества распределились по двум коалициям. Политическому объединению Ивана IV, Исмаила и Темрюка противостояла группировка Пшеапшоки, Гази, Девлет-Гирея и султана Сулеймана I. В литературе уже отмечалось, что женитьба малоногайского лидера на “Шепшуковне” позволила втянуть сильное кабардинское объединение в орбиту крымско-османской политики [Кушева, 1963, с. 236; Попко, 1880, с. 54]. Гази участвовал в войнах князей друг с другом, вместе с отрядами Пшеапшоки планировал удары по Ногайской Орде и по Астрахани [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 14, л. 258 об.; ф. 127, оп. 1, д. 6, л. 49, 91, 230, 235об.].

В одном из походов против темрюковых кабардинцев Гази б. Урак сложил голову. В начале апреля 1576 г. в Бахчисарае узнали, что “Казыя мурзу убили и з братьею и з детми”; в сентябре того же года и московский царь поделился свежей новостью с правителем Больших Ногаев: “Да вести нам подлинные были, и не одны, что ходил в Черкасы Казыи мурза с азовскими людми, и в Черкасах его убили” [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 34об.; ф. 137, оп. 1, д. 137, л. 366об.].

Постепенно выяснились подробности. Приблизительно в марте 1576 г. Гази вместе с проживавшим у него крымским царевичем Иман-Гиреем напал на владения Темрюка, одолел местных ополченцев и с большим полоном двинулся назад. Ночью темрюковцы, внезапно напав на конских сторожей, отогнали боевых лошадей, а утром обрушились на пеших и потому ослабленных ногаев. Пали в бою Гази, два его брата, несколько сыновей. Иман-Гирей попал в плен. Из разгромленного войска не уцелел ни один человек. Сын Гази Хан, узнав о катастрофе, бежал из Малой Орды в Керчь, “потому что ему жить тамо (в Малой Орде. – В.Т.) не о ком”. В августе в Крым явился измученный, покрытый ранами Иман-Гирей. Его выпустил на волю один из кабардинских князей Алгазуфа (за что был казнен темрюковцами) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 40, 40об., 44, 44об.].

Гибель Гази очень опечалила хана Мухаммед-Гирея II: “Толко де на Казые де царьского имени не было, а камена был стена Крымскому юрту и Азову”. Репутация погибшего бия была в глазах крымских сановников весьма высока – “а то были у него (хана. – В.Т.) на всякои воине первые люди – Казыевы” [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 15, л. 34об., 40об.].

Малые Ногаи в 1580–1590-х годах

Внутренняя история Казыева улуса чрезвычайно слабо отражена в источниках. Лишь незначительные намеки проливают свет на взаимоотношения между различными группировками мирз. Допустим, стремительный уход Хана б. Гази в турецкую крепость свидетельствует о каких-то разногласиях в среде малоногайской знати, отсутствии единства. Пока был жив общепризнанный лидер, аристократы следовали его воле. Но после его смерти влиятельные мангыты начали претендовать на главенство.

Результатом этих разногласий (конфликтов?) стало “вокняжение” Якшисаата б. Мамай б. Саид-Ахмеда б. Мусы. Впервые он фигурирует в качестве бия, очевидно, в боярском приговоре от 17 октября 1580 г., констатировавшем очередной крымско-казыевский набег на “украины” “сего лета... Казыева улуса с Якшисата князя людми” (НКС, д. 9, л. 170). Якшисаат являлся бием на протяжении всего десятилетия и умер около 1590 г. А.А.Новосельский заметил, что в конце этого года от лица Малой Ногайской Орды выступает уже Хан б. Якшисаат – вероятно, заменив покойного отца [Новосельский, 1948а, с. 37].

В 1590-х годах бия у Малых Ногаев, скорее всего, не было. В обстановке внешних ударов и внутренних раздоров Орду охватил хаос. Азов, резиденция турецкого наместника и обиталище Хана б. Гази, стал казаться улусникам более надежным местом жительства, нежели открытые для вражеских вторжений степи. Между мирзами и сыном Гази стали налаживаться контакты. Все-таки как бы ни были глубоки противоречия между ними, они уже ощущали себя членами единого, этнически однородного малоногайского общества и не прочь были объединиться против общего противника. Об этом писал в Москву в 1580-х годах (грамота не

датирована) мирза Больших Ногаев Хан б. Урус, призывая царя не надеяться на союз с Якшисаатом против Хана б. Гази: "...У тех у обеих улусы с одново, и дума у них одна, они оба племя одно" [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 4, д. 1].

Спасаясь от опустошительных нашествий Больших Ногаев, все больше казыевских улусов отходили к Азову и далее на запад, в крымские владения за Дон. Их набеги на Русь и Украину прекратились (из-за походов Уруса и его детей "Казыева улуса мурзам до себя стало", а не до внешних кампаний). Не оставлял их в покое и преемник Уруса Ураз-Мухаммед-бий. В 1594 г. Хан б. Гази признавался крымскому хану, что живет в Азове, страшась "Урмаметя князя... что мышь в гнезде" [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 19, л. 197 об.; д. 20, л. 8; д. 21, л. 233об.; **Статейный, 1892, с. 90**]. Таким образом, казыевцы отодвинулись на запад, и летописец в Москве с удовлетворением отметил, что "Казыев улус мало не до конца запусте"[**Новый, 1853, с. 52**].

Главной причиной этого был конфликт между двумя Ордами ногаев. Напряженность в отношениях между ними во второй половине XVI в. все нарастала. Из-за Волги то и дело переходили в Казыев улус мирзы со своими подданными. Разместившись в предкавказских степях, они вместе с местными мирзами, начинали нападения на кабардинцев, русское пограничье и кочевников, подчинявшихся бию Урусу. Урус в своем тогдашнем противостоянии с Россией до поры до времени не желал ввязываться в ссору с соплеменниками. Однако в конце 1580-х годов он восстановил дружественные отношения с Москвой, и на юго-западе теперь у него были развязаны руки.

Повод для межногайской войны нашелся быстро. Нурадин Саид-Ахмед б. Мухаммед, перебравшись на Крымскую сторону, стал кочевать вместе с казыевцами. Во время какого-то конфликта в 1588 г. он был ими убит. После (и по причине?) этого огромная кавалерия Большой Орды обрушилась на их стойбища. Малые Ногаи потерпели сокрушительное поражение; бий Якшисаат даже попал в плен, но был вскоре отпущен на свободу. Собравшись с силами, казыевцы нанесли ответный удар и убили Уруса. Вслед за этим "мурзы далние заволжских нагаи" во главе с новым правителем Ураз-Мухаммедом опять вторглись на Северный Кавказ. Казыев улус оказался полностью разгромлен, а Якшисаата, очевидно, во время этого нашествия убили (об этих событиях см.: [**Новосельский, 1948а, с. 37; ПСРЛ, т. 40, с. 233; РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 42–43; Статейный, 1892, с. 77, 79**]).

Взаимное истребление высших иерархов превратило политическое соперничество Орд в кровную вражду. И хотя в 1590-х годах намечилось некоторое потепление (Ураз-Мухаммед даже выдал дочь за одного из самых почитаемых казыевских мирз Саина б. Мамай, Якшисаатова брата[**РГАДА, ф. 131, оп. 1, 1633 г., д. 18, л. 3–5**]), но до искоренения вражды было далеко. Характеристика взаимоотношений приведена в наказе московскому послу в Стамбул в октябре 1593 г.: "Заволжским нагаем воина с Казыевым улусом из давних лет, и кровь промеж их прошла по их недружбе, а не по государя нашего повеленью" [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 3, л. 231об.–232].

Крымский фактор был не очень заметен в политике Малых Ногаев того времени. Собственно, крымцам было не до степных соседей, поскольку в ханстве разгорелась династическая распря. Первоначально новый хан Ислам-Гирей заподозрил казыевцев во враждебных намерениях; к тому же в их кочевьях

укрылись его противники – Арсланай Дивеев со товарищи. Еще в начале 1586 г. хан вел переговоры с бием Урусом об ударе по ним с двух сторон, а послов Якшисаата принимал у себя без должного почета, в отличие от урусовых [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1589 г., д. 1, л. 7, 8].

Но уже к середине года стало известно о кардинальных переменах. Нуждаясь в военной поддержке, Ислам-Гирей решил помириться с восточными соседями. Между ним и Якшисаатом была заключена шерть/16/, несмотря на то, что последний отказался выдать в Бахчисарае мятежного Арсланая. Глава Малой Орды тоже рассудил, что при угрозе из-за Волги будет разумным держаться поближе к Крыму. Вскоре после этого разнеслись вести, будто “крымские люди с Якшисаатом князем зиму и лето с ними ходят” [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 16, л. 73об.; ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 13, л. 67, 86, 87].

Следующий крымский хан Гази-Гирей решил настоять на возвращении дивеевых улусов в свое государство. Малые Ногаи просили обождать, пока не уменьшится угроза со стороны заволжских степняков. Хану такой ответ “учинился в досаде”. Он собрал всю свою армию и переправился на восточный берег Дона. Перепуганные мирзы тут же смирились и выполнили все требования. Довольный Гази-Гирей разрешил им кочевать на прежних местах, взяв на себя, таким образом, функцию распределения пастбищ, т. е. роль старшего государя. Свое войско он стал исчислять теперь “болши ста тысяч” – с учетом казыевских улусов, считая их своими подданными. “А Казыев улус – еще отца моего... Девлеть Киреева царева величества устроенье. И мы, их прежнюю службу отцу своему помня, их пожаловали, велели им под Азовом кочевати” [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 190–193]. Хотя ногаем не нашлось покоя и под Азовом (на них напали донцы и даже пленили дочь Якшисаата), их предводитель не желал поступаться независимостью: “Я... к турецкому и х крымскому не пристану”, одновременно обещая крымцам всяческую поддержку в войнах [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 10, л. 10; Сухоруков, 1903, с. 48].

Поражения в боях с Урусом и Ураз-Мухаммедом заставили казыевских мирз стать более покладистыми. В декабре 1590 г. знатнейшие из них – Хан б. Гази и Баран-Гази б. Саид-Ахмед вновь шертовали Гази-Гирею и согласились кочевать в крымских улусах Дивеевых [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 17, л. 340об., д. 19, л. 107об.]. Тем не менее и на этот раз Бахчисараю не удалось добиться от них полного подчинения. В ноябре 1593 г. глава крымской делегации на посольском размене в Ливнах Ахмед-паша Сулешев заявил, что имеет полномочия шертовать о ненападении на Русь “за весь Крым и за Арасланаев за весь улус Дивеева, опричь Азова и Казыева улуса”, поскольку Азов, мол, – это османское владение, “а Казыев улус качуют себе, и Казы Гирей царь ими не владеет же” [РГАДА, ф. 123, оп. 1, , д. 21, л. 49 об.–51]. И все же отметим, что до конца царствования Гази-Гирея Малые Ногаи сохраняли лояльность к нему и участвовали в крымских походах на запад и север.

Решающий перелом в крымско-казыевских отношениях при хане Ислам-Гирее II был вызван вмешательством Порты. В 1584 г. султан принял посольство от Якшисаата, которое объявило о желании бия стать подданным падишаха, и направил обратно приказ поддержать Ислам-Гирея и помогать ему [Bennigsen, Lemercier-Quelquejau, 1973, p. 480–483]. В Стамбуле сочли возможным считать Малую Ногайскую Орду вассальным владением османов, и русскому послу в 1586 г. турки объявили, что “Казыев улус и азовские татарове (т. е. улусы Хана б. Гази.

– В.Т.), и белгородцы – в государя нашего воле”; они, дескать, не ходят воевать без его дозволения, а послушников султан “велит, сыскивая, казнить” [РГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 2, л. 426]. На самом же деле мирзы были далеки от мысли превращаться в османских вассалов. Они рассчитывали на помощь и заступничество мусульманского владыки, но не на его господство над собой. Выше приводилась фраза Якшисаата, сказанная в том же 1586 г.: “Я... к турскому и к крымскому не пристану”.

Фиктивность альянса с Портой выявилась уже через два года, когда бояре в Москве рассказали персидским послам о новостях на южных границах (май 1588 г.): “А про Нагаи про Казыев улус, про Якшисата князя, про своих голдовников весть к салтану турскому учинилась, что они все от него отложились под нашу царскую руку и пришли к Асторохани ко городу... и к Терке реке, а от Озова отошли” [Памятники, 1890, с. 138].

Обращение в сторону России тоже оказалось тактическим маневром или шагом отчаяния. Малые Ногаи более всего желали сберечь свой Юрт и зывали о поддержке ко всем окрестным монархам. Россия в этом ряду являлась далеко не главным адресатом. Русские помнили частые разорительные набеги на порубежье и не видели в казыевцах надежных внешнеполитических партнеров. Последние интересовали Кремль лишь как постоянная опасность для границ. Поэтому усилия московской дипломатии были направлены не на поддержку Малой Орды, а напротив – на ее раскол, ослабление, снижение военного потенциала.

Успех подобной политики наметился во второй половине 1580-х годов. В то время как бий Якшисаат вел интриги с Бахчисараем и апеллировал к султану, могущественные мирзы его Юрта во главе с Баран-Гази, а также крымский Арсланай Дивеев, заключили с русскими шарт-наме о ненападении и о готовности кочевать под Астраханью под надзором воевод. Соглашение организовал крымский царевич-эмигрант Мурад-Гирей, присланный царем Федором Ивановичем на Нижнюю Волгу. В его задачу входило, кроме прочего, готовить большой поход на Якшисаата вместе с бием Урусом, темрюковыми кабардинцами и теми мирзами, которых удастся отколоть от Малой Орды. Тогда и состоялось первое победоносное нашествие Больших Ногаев и их союзников на Казыев улус. Это привело к шертованию еще нескольких малоногайских мирз [Памятники, 1890, с. 268; РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1587 г., д. 1, л. 9; ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 2, л. 12, 13; д. 13, л. 2, 11]. Но одновременно притеснения от воевод и – главное – агрессивность заволжских кочевых предводителей напугали казыевцев, и большинство их, фактически разорвав шерть, откочевало обратно на запад /17/.

В 1594 г. Баран-Гази возглавил набег восьмитысячного войска на Шацкий острог [Разрядная, 1989, с. 76]. Когда вскоре он вновь завел разговор о переселении к Астрахани, русские уже реагировали настороженно. На всякий случай правительство велело воеводам держать наготове конницу Урусовых и своих стрельцов, чтобы отбить очередное коварное нападение [РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 1, ч. 2, л. 34об., 35об., 36об.].

Связи Малой Ногайской Орды с горцами Северного Кавказа в 1580–1590-х годах оказались слабее, чем в предыдущем двадцатилетии. Темрюк Идаров одолел наконец своего старого врага Пшеапшоку, союзника Гази. Малые Ногаи продолжали контакты с кабардинцами, но решающее значение на Северном

Кавказе стали приобретать дагестанские владетели-шамхалы. Терский воевода доносил в 1589 г., что Малые Ногаи теперь находят более выгодным общаться с Дагестаном, наладив обменную торговлю с кумыками [Кабардино-русские, 1957, с. 59]. Для кабардинских же князей сотрудничество с ногайским Юртом в Предкавказье постепенно утрачивало политическую актуальность. Тем более что кочевые улусы под ударами Уруса и Ураз-Мухаммеда удалялись все дальше от гор, на северо-запад. Астраханские власти пытались убедить черкесов участвовать в совместных походах на казыевцев, последние стремились замирился с Кабардой [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1586 г., д. 13, л. 2, 67], но значительная удаленность уже не позволяла поддерживать оживленные военно-политические связи.

Малые Ногаи в 1600–1610-х годах

В сентябре 1600 г. впервые упоминается новый малоногайский бий – старший сын Саид-Ахмеда б. Мухаммеда б. Исмаила Баран-Гази (см.: [Памятники, 1892, с. 49]). О деталях его “вокняжения” (как и его предшественника Якшисаата) ничего не известно. Однако ясно, что объем власти у очередного лидера был несравним ни с предводителем Большой Ногайской Орды, ни с авторитетным Гази б. Ураком. В ходе сражений с большеногайской кавалерией, отступления на северо-запад и метаний по степям среди Малых Ногаев оформились три основные группировки мирз, три главных клана: Ураковы, т. е. потомки и родичи основателя Малой Орды; Мамаевы, т. е. потомки и родичи Якшисаата; Шейдяковы, т. е. родственники самого Баран-Гази. Каждая из этих группировок была многолюдной и скрепленной кровными узами. В условиях политических катаклизмов такие узы казались кочевникам более надежным средством сплочения по сравнению с политическими интересами. Мирзы, не принадлежавшие к данным бийским родам (Юсуповы, Кошумовы, Шигимовы...), старались примкнуть к одной из этих трех ведущих сил.

Баран-Гази опирался, разумеется, на собственный клан Шейдяковых. Он пытался упрочить свою власть, добиваясь покорности от прочих мирз. Вознамерившись в очередной раз договориться с московским царем, он, по словам его послов в Астрахани в ноябре 1604 г., ручался только за свое “родство”, но обещал также привести к шерти потомков Урака и Мамая. А если-де те откажутся, то бий с Шейдяковыми начнет против них войну [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 140, 141].

При таких отношениях раскол был неминуем. И действительно, вскоре пришли вести, что у Малых Ногаев разразилась “рознь великая”. За какую-то провинность бий велел казнить одного из мирз [Акты, 1918, с. 89, 90, 112, 113]. Развитие этого конфликта неизвестно, так как состояние ослабленных и раздробленных казыевцев в то время интересовало кремлевских политиков мало и, главным образом, в связи с делами Большой Орды.

В 1610-х годах бий Иштерек разорвал отношения с Москвой, перебрался на Крымскую сторону и стал кочевать вместе с Малыми Ногаями. При всей своей бедности и политической слабости Иштерек обладал неоспоримо более высоким рангом перед прочими мангытами. Это признавал и бий Баран-Гази. Документы 1613–1614 гг. показывают, что знать Больших Ногаев на новых землях обладала статусным преимуществом. Фактически Иштерек стал правителем обеих Орд. – “У обеих улусов – у всех Болших Нагаи и у Казыева улуса – один Иштерек князь”; “а

Казыев улус, Барангазы князь – с Иштереком же, а владеют ими Иштерек и мурзы и татаровя так, что холопи своими” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1613, д. 4, л. 14–15; д. 5, л. 240]. Подобное поведение заволжских переселенцев тяготило казыевцев. До Астрахани стали доноситься слухи, будто Баран-Гази с Иштереком “не в миру” и отказывается участвовать в его военных авантюрах против России [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1616 г., д. 1, л. 18]. Наконец произошел естественный разрыв. В начале 1615 г. наблюдатели уже отмечали, что “Казыев... улус кочует себе опроче Иштерека князя, а ныне... с казыевцы иштерековых нагаи нет никого” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 1, л. 13].

Кратковременное правление Иштерека на Крымской стороне показало ничтожество власти казыевского бия. Все малоногайские мирзы обращались в Москву уже только от своего имени, минуя своего номинального лидера. При этом подчеркивалось равноправие их кланов: “И нас три родства, и все бы нас тебе (царю Михаилу Федоровичу. – В.Т.) жаловать ровно: Шейдякова родства болшеи Касаи мурза; другова, Мамаева, родства болшеи – Аиса мурза боготур; третьева родства, Уракова родства, – Карашаи м[урза]” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 50] /18/. Мирзы подчеркивали, что владения Касима (Касая) и Ураковых наиболее “мурзами и улусами своими силны, те родства улусы своими могут добро и худо” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 52–53]. Различные информаторы тоже доносили о Касиме и Али б. Хорошае как о самых сильных и влиятельных в Малой Орде, и из Москвы шли грамоты, адресованные “Барангазыю князю да Касаю мурзе, да Алею мурзе з братьею и з детми, и с племянники”.

Сам Касим б. Ислам фактически возглавил клан своего деда Саид-Ахмеда, оттеснив бия, и хвастался: “А над старыми и над молодыми мурзами болшеи я, Касаи мурза, и в людех болшеи я, и владею всеми я!” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1613 г., д. 4, л. 15; 1615 г., д. 5, л. 3; д. 6, л. 48]. Вожди трех “родств” самостоятельно сносились и с Бахчисараем, и с Терками, а аналогичные инициативы Баран-Гази отвергали. Когда они захотели было воевать Больших Ногаев, бий попробовал возразить и воспрепятствовать, после чего Ураковы и Мамаевы вступили с ним в “недружбу и рознь” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1617 г., д. 1, л. 14, 16; 1619 г., д. 2, л. 242, 243; 1620 г., д. 1, л. 80]. Казыевскую аристократию перестал устраивать бездарный и безвольный правитель, и, наряду с третированием его, она подумывала о другой кандидатуре на его место; в частности, существовали планы пригласить из-за Волги на “княжение” воинственного Джан-Арслана б. Уруса [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 7, л. 22].

Все эти неурядицы происходили на фоне углублявшегося экономического кризиса. Постоянные войны полностью расстроили кочевое хозяйство. “А у нас запасов нет, и лошади либивы (т. е. измождены. – В.Т.), и нам долго терпети не уметь”, – жаловались казыевцы царю. “А Казыева улуса мурзы – люди бедные, наги и голодни; тем добываютца и кормятца, что в воину ходят”, – вторил их гонец в Астрахани. Мирзы просили московского государя позволить им обосноваться на Дону, где у них постепенно формировалось зимовье. Оно подвергалось постоянным нападениям казаков, которых ногаи слезно упрашивали “свести” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 46, 52].

К началу 1620-х годов уже можно явно определить автономное существование улуса Касима. Туда едет Баран-Гази “для мирного договору” с Касимом; “Касаев улус Казыевых детеи” упоминает Иштерек при описании своих поисков некоего

пропавшего ногайца [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1616 г., д. 2, л. 1; 1620 г., д. 1, л. 79, 80]. В мае 1622 г. астраханским воеводам рапортовал стрелец о планах донцов идти на Казыев улус – “а на которой... Казыев улус, того... он не ведает” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1622 г., д. 1, л. 5]. Улусов в Малой Орде действительно стало несколько.

Коллизии отношений с Большими Ногаями прошли несколько стадий. Поначалу Иштерек после своего “вокняжения” в 1600 г. был настроен резко против всяких контактов. Тем более что его главный антагонист Джан-Арслан б. Урус сумел найти общий язык с казыевцами. Во время обсуждения политики по отношению к ним в астраханской воеводской канцелярии в ноябре 1604 г. Джан-Арслан выступал за мирные переговоры, а бий – исключительно за военные действия, обосновывая это вероломством врагов. Он рассказывал о коварстве и безжалостности Баран-Гази, который поссорился с русскими, не пощадив собственного сына-заложника (аманата), обманул Иштерека в своих якобы пророссийских настроениях, когда тот в конце 1590-х годов приезжал в Малую Орду, а затем забрасывал его предложениями переметнуться к Крыму. Глава Больших Ногаев делал однозначный вывод: переговоры с Малыми Ногаями бесполезны из-за ненадежности их; единственный способ воздействия – двинуть на них царскую рать “с вогненным боем... хотя с 500 человек” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1604 г., д. 3, л. 133–150; Акты, 1918, с. 122–128].

Однако судьба распорядилась так, что Иштереку пришлось не только изменить отношение к северокавказскому Юрту, но и искать там пристанище во время откочевки на Крымскую сторону в 1614 г. Как уже говорилось выше, он обрел там поначалу всеобщее почитание и послушание, но уже через год вынужден был оставить Казыев улус. Вероятно, это произошло без открытой ссоры, так как в дальнейшем Иштерек сосватал дочь за мирзу Аллакувата б. Азамата Уракова [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 4, л. 9] и убедил мирз присоединиться к его просьбам освободить из астраханского заклада его родичей. Айс Мамаев, в частности, написал подобное прошение к царю, объяснив это тем, что “Иштерек князь нам, Казыеву улусу, силен” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 3, 4].

Москва отказала наотрез. Только что возобновился выгодный для нее разрыв между Большими и Малыми Ногаями после их опасного союза – и вот опять появились признаки солидарности Орд. Тем более что гонцы доносили, что Орды теперь “меж себя... мирны” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 3, л. 9–10]. Послам из Казыева улуса и эмиссарам, направляемым туда, внушали в Посольском приказе мысль: “Иштерек князь и все мурзы Болших Нагаи вам недруги давные, а вы от них говорите!”; к тому же в Москве, дескать, находится сейчас иштереков посол с предложением совместного нападения на Малую Орду (это было правдой: бий решил вернуться под царское покровительство и планировал делом доказать свою преданность государю – наказать разорителей “украин”). В ставку же Иштерека дали знать, что казыевцы просят у Михаила Федоровича войско против него [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 4, л. 7, 23; д. 6, л. 20; 1616 г., д. 2, л. 10; 1617 г., д. 3, л. 10].

Таким образом, Кремль использовал любые средства для внесения раскола в единый ногайский фронт. И в августе 1616 г. в русской столице с удовлетворением узнали, что “Барангазы князь с Ыштереком князем не в миру”,

что лидер Казыева улуса отказался от совместного в Большими Ногаями похода на “украины” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1616 г., д. 1, л. 18].

Характер контактов Малых Ногаев с Москвой определялся динамикой ее отношений с ногаями заволжскими и с Крымом. В начале XVII в. казыевцы уже не расценивались русским правительством как значительная политическая сила. Те со своей стороны опасались угодить в сферу российской гегемонии, и неоднократные их декларации о подчинении великому государю носили тактический, конъюнктурный характер. Даже заключение шертных соглашений и выдача аманатов в Астрахань и Терки /19/ оказывались малодейственными для сохранения лояльности малоногайских мирз к России.

Судя по всему, такая политика казыевцев была попыткой сохранить самостоятельность в окружении могущественных соседей. Они пытались не ссориться ни с кем и никому не подчиняться. Единственной насущной необходимостью было добиться от Москвы освобождения Дона от казаков, но эта цель была абсолютно иллюзорной. Прочного мира с Россией добиться не удавалось и из-за регулярных набегов на южнорусские провинции. Кремль, со своей стороны, считал непрямым удерживать Малых Ногаев посредством шертных обязательств от вторжений, и к этой цели, собственно, сводилась русская дипломатия по отношению к ним. Удавалось это довольно редко, и параллельно правительство то и дело организовывало походы горцев и заволжских ногаев на Казыев улус.

Лишь в конце 1610-х годов почти все мангытские аристократы Малой Орды проявили удивительную солидарность, поклявшись в шарт-наме не воевать с Россией. Этот шаг был вызван конфликтом с Бахчисараем, и посольские дьяки понимали его вынужденность: “Казыева улуса Барангазый князь и мурзы все... под великих государей наших рукою в их государском повеленье; толко на своей правде мало стоят, потому что отдаленно живут, близко Азова – турскова города. И коли им бывает теснота от турецкого, и они туда передаютца... И ныне с турецким и с крымским ссорились, с крымским Шагин Гиреем царевичем. И крымской царь посылал на них брата своего калгу Девлет Гирея царевича с ратными людьми, и в Казыеве улусе Касай мурзу и иных мурз воевал и разорил. И они, видя себе от крымского царя разоренье, прибежали под царского величества отчину под Астрахань, а иные под Терек, и били челом царского величества... воеводам, чтоб царского величества воеводы... от крымского остерегали и закл[ады дали?] в Астрахань и в Терской город” (наказ послу в Бухару в июне 1620 г.) [Сборник, 1879, с. 436–437].

Тогда же, в феврале 1620 г., к терскому воеводе Н.Д. Вельяминову прибыл посол из Шемахи, который подтвердил, что крымский хан собирается идти на казыевцев в отместку за их дружбу с Шахин-Гиреем, “хочет Малои Ногай разорить весь”, отчего “Малый Ногай” и шертовал московскому царю [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 252, 255].

У крымского монарха в самом деле были причины затаить злобу на мирз – в малоногайских кочевьях нашел приют царевич-эмигрант Шахин-Гирей, считавший себя обойденным в престолонаследии. Он сумел убедить предводителей главных кланов тоже занять антикрымскую и антиосманскую позицию, ссылаясь на свои связи с иранским шахом Аббасом. Однажды казыевская армия по наущению этого

авантюриста даже погромила турецко-крымскую рать Сайдар-паши [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 1, л. 55, 56].

В Бахчисарае и Москве пристально следили за этим странным альянсом. Посольский приказ предписывал терскому воеводе удерживать Шахин-Гирея от опрометчивых поступков, которые могли бы повредить русско-иранским отношениям; “а будет Шангиреи царевич с Меншими Нагаи поссоритца и бои учинит, и ты б им битца не мешал” – равно как надлежит препятствовать и его ссылкам с Большой Ногайской Ордой, поскольку “нашему делу прибылнее, чтоб Болшие Нагаи с Меншими Нагаи были в розни, а не в миру” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 1, л. 60–62].

Крымский же двор не ограничивался перепиской; для него интриги Шахин-Гирея были гораздо актуальнее. Весной 1619 г. хан Джанибек-Гирей послал свою армию на Кавказ. Царевич сразу уехал в шамхальство (“в Кумыки”), а казыевцы подверглись жестокому разгрому. “И от тое от великие воины Касаи мурза с невеликими людьми побежал под горы” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 1, л. 241, 245, 246; 1620 г., д. 1, л. 77, 78]. Это поражение имело следствиями, во-первых, решение искать (временного!) покровительства у России; во-вторых, “рознь” между Баран-Гази и ведущими мирзами, о чем мы уже рассказывали. Вскоре после описанных событий в руки русских властей случайно попала грамота Джанибек-Гирея к Касиму, в которой хан убеждал мирзу помириться с Крымом и воевать с Шахин-Гиреем, укrywшимся у кумыков [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1619 г., д. 2, л. 239] /20/.

Отношения Малых Ногаев с турецкими властями в первом двадцатилетии XVII в. стали намного теснее. Передвинувшись под ударами Больших Ногаев к турецкому Азову, они были вынуждены добиваться у его наместника разрешения кочевать в окрестностях крепости и приезжать на азовские базары. Естественно, с османской стороны последовало требование гарантий верности падишаху. Такие заверения, судя по всему, были даны, и в Юрт пошло соответствующее вознаграждение из Стамбула. В декабре 1614 г. эти обстоятельства вспоминали составители наказа для русского посла в Речь Посполиту: во время русской Смуты Баран-Гази и его соотечественники “поотстали были от Московского государства и пристали были к турецкому салтану, и у турецкого алафу (т. е. жалованье. – В.Т.) имали”. С воцарением же Михаила Романова они “от турецкого отстали” и прислали в Москву поздравления новому монарху, заявив о своей готовности находиться под его рукой [Памятники, 1913, с. 529, 530]. Свое кратковременное пребывание под эгидой султана Айсма Мамаев трактовал как дело прошлого уже весной 1615 г.: “Крестьянских великих государей Бог создал, и мусулманского турецкого царя не Бог же ли создал? А мы турецкого царя не холопи ли были?” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 1].

Тем не менее намерение дружить с новым московским самодержцем не означало разрыва с Портой. Глава мира ислама при любых обстоятельствах оставался в глазах ногаев самым высокопоставленным государем, да и Азов слишком много значил для ослабленной экономики Малой Орды. Мирзы объявляли о своей решимости направить клинки на любого недруга Михаила Федоровича, в том числе и на крымского хана, – “кроме турецкого царя, а мы холопи турецкого царя” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 6, л. 7]. Холопство в данном случае означало не подданство, а преклонение перед авторитетом и номинальную готовность следовать указаниям султана.

Отношения Малой Ногайской Орды с горцами, по сравнению с предыдущим десятилетием, еще более ослабли. В документах 1600–1610-х годов сохранились единичные упоминания о том, например, что сын Касимова аталыка-воспитателя находится в заложниках у какого-то кабардинского князя [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 5, л. 18]. В начале 1615 г., когда казыевские отряды в очередной раз двинулись на Русь и уже стояли на Оке под Серпуховом, на их обезлюдившие, беззащитные становища напали “черкасы” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 3, л. 10] – видимо, по наущению южных воевод, постоянно отслеживавших агрессивные поползновения мирз.

Малые Ногаи в 1620–1630-х годах

В источниках, отразивших события третьего десятилетия XVII в., имя бия Баран-Гази уже не встречается. Место главы Малой Орды занял его племянник Касим б. Ислам б. Саид-Ахмед (т. е. Шейдяков). Сам он в грамоте от 24 сентября 1636 г. датировал свое “вокняжение” приблизительно 1621 г., а принятие под управление отцовских улусов – 1616 г. (“учинился я... на государстве тому лет с пятнатцать и з дватцать лет”) [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 108]. В материалах Посольского приказа за 1620-е годы. Касим впервые назван не мирзой, а князем в конце 1625 г. [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1625 г., д. 1, л. 53]. Под его началом формально находились три ведущих клана – Ураковы, Мамаевы и Шейдяковы. Но в реальности новый бий, как и его предшественник, имел в распоряжении только улусы последних. Прочие же два рода держались независимо, и уже едва ли было возможно вернуть их под власть общего правителя. В начале 1620-х годов Ураковы и Мамаевы кочевали вместе, поодаль от улусов Касима и его родичей; астраханские воеводы сообщали, что с Касимом они “в недружбе” [Акты, 1890, с. 211; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 6, 7, 10; 1627 г., д. 1, л. 425, 426; 1628 г., д. 2, л. 58].

Но угроза набегов донцов и Больших Ногаев, которых становилось все больше на Крымской стороне Волги, а также сложные отношения с Гиреями заставляли казыевцев иногда объединять улусы. Время от времени создавалось впечатление, будто они пребывают “в дружбе и в совете”, поскольку кочуют вместе. Но более внимательное знакомство с ситуацией приводило информаторов к выводу, что между тремя родами “дружбы нет, а воины нет же”. Касим помнил свои прежние распри с Ураковыми и Мамаевыми (“ему те мурзы старые недруги”) и не прочь был внезапно расправиться с ними. Тем более что он был “улусными людьми... Уракова и Мамаева родства сильнее и люднее”. А те, в свою очередь, не доверяли своему бию и ссылались с Астраханью, “утаясь от Касая князя” и отказываясь посвящать его в подробности переписки с воеводами [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 12; 1627 г., д. 1, л. 265].

В каждом “родстве” выделялись, если следовать формулировкам той эпохи, “лучшие”, “средние”, “молодые” и безулусные мирзы. При этом формального разделения Юрта не существовало, но уже образовались “половины” или “стороны”, т. е. группировки аристократов, возглавляемых признанным лидером (например, “Кармыш мурзина сторона” внутри “половины” Шейдяковых). В “Шейдяковом родстве” предводительствовали бий Касим, его дети и Кармыш б. Баран-Гази; в Ураковом – Али б. Хорошай с братьями; в Мамаевом – Бий б. Ахмед с сыновьями [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 2, л. 34–36; 1628 г., д. 2, л. 67–69].

Конец 1620-х годов был ознаменован решительным разрывом Али Уракова со своей Ордой. Улусы Ураковых (более трех тысяч человек) переправились через Дон и пошли к Азову. Бий Мамаев решил сперва, напротив, сблизиться с бием, но затем присоединился к Али. “Я с Касаем князем в недружбе стал, а с Казыевым улусом розстался”, – делился новостями с царем Михаилом Федоровичем вождь Ураковых, отмечая при этом также свою “недружбу” с крымским ханом и с запорожцами. О том же писал и Бий Мамаев. Дружным отказом встретили они призыв бия выступить совместно против польско-литовского короля по призыву Джанибек-Гирея. Судя по всему, “лучшие мирзы” решили добиться полной независимости, так как отвергали подданство кому бы то ни было и лишь заявляли о своей номинальной верности шертным обязательствам, данным далекой Москве [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 3, л. 68; 1628 г., 2, л. 298; 1629 г., д. 1, л. 85, 313, 314; 1630 г., д. 1, л. 56–68, 74]. Правда, в 1632 г. вновь отмечен эпизод совместного кочевания Али и Бия с Касимом [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1632 г., д. 1, л. 347], но это было не более чем очередным конъюнктурным и неискренним соединением улусов в условиях горских набегов и угрозы крымского нашествия из-за поддержки Малыми Ногаями Шахин-Гирея.

Попытки Касима собрать родичей на примирительный съезд не достигли цели. Многие влиятельные вельможи, и прежде всего предводители кланов, не захотели участвовать в нем, игнорируя уговоры бия [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1632 г., д. 1, л. 143, 144, 157, 158].

В 1636 г. Ураковы и Мамаевы двинулись в Крымский юрт, предпочтя наконец опасному автономному существованию в прикубанских и приазовских степях подданство хану. “Лучшие мирзы” заключили с Джанибек-Гиреем шарт-наме [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 109; д. 2, л. 25; 1638 г., д. 4, л. 27]. Следовательно, к концу 1630-х годов четко определились две группы Малых Ногаев, разделенных территориально и политически, или две “половины” – Касаева и Урак-Мамаева (“Урак Мамаева половина” или просто “Уракова”, “Урак Мамаево родство”, “Урак Мамай мурзины дети”) (см., например: [Кабардино-русские, 1957, с. 237, 264; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1637 г., д. 1, л. 6; 1638 г. д. 1, л. 65; 1639 г., д. 1, л. 103, 126]).

Большие Ногаи уже не могли воспользоваться расколом среди давних противников, потому что сами вступили в стадию полного хаоса. Многие их мирзы не изменили враждебного отношения к казыевцам, но не имели сил ни отбивать их налеты, ни предпринимать ответные атаки. Лишь вместе с русскими ратями отваживались они выступать против Малой Орды. Правительство в 1633 г. организовало поход против нее за нападения на “украины” и на кочевья союзных Больших Ногаев. После того, как основная масса заволжских номадов в конце 1633 – начале 1634 гг. перебралась на Крымскую сторону и рассеялась по причерноморским степям, началось смешение ногаев обоих ногайских Юртов. Взаимная агрессивность их по отношению друг к другу исчезла. Бий Касим заявлял о своем желании кочевать вместе с кековатом /21/ Джан-Мухаммедом, потому что “вера наша одна, и житье наше кочевное” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 2, л. 27] /22/.

За всеми этими перипетиями тщательно следили из Бахчисарая. На вторую половину 1620-х годов приходится очередное обострение династических раздоров среди Гиреев. Хан Мухаммед-Гирей III в 1625 г. выступил в поход на иранский Дагестан. Вместе с крымской армией отправилась конница малоногайского бия

Касима под командованием его сына, а также улусники Али Уракова, который уже несколько лет жил в Крыму. Шахин-Гирей, переждав эту войну во владениях шамхала, решил прекратить скитания и вернуться на родину, а хан, узнав об этом, обещал сделать его наследником-калгой. Перед своим уходом с Кавказа Мухаммед-Гирей обмолвился, что неплохо было бы поставить на Куме форпост с гарнизоном. За эту идею ухватился Касим, намеревавшийся использовать будущую крепость для укрытия от вторжений воевод и горцев. О том же он просил и Шахин-Гирея, который уже утвердился в планах отъезда в Крым. Если же, дескать, с возведением городка ничего не получится, то бий просил царевича взять его с собой в Крым со всеми улусами [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1625 г., д. 1, л. 4, 8; 1626 г., 1, л. 77].

Узнав о примирении хана с мятежным царевичем, казыевские мирзы уже не гнушались подчиняться приказам последнего – в частности, снаряжать набеги на Русь по его повелению [Акты, 1890, с. 203]. Малейший знак внимания от таврического двора теперь чрезвычайно ценился ими. Например, в апреле 1627 г. Касим нехотя (хотя и “чесно” приняв) вел переговоры с астраханским гонцом, откладывая решение поднятых тем вопросов до съезда всех мирз. Но как только из Крыма донеслись вести о выступлении Мухаммед-Гирея на “бесленевских черкас”, он сразу снялся с места и со всеми подданными двинулся на соединение с крымской армией, проявив неожиданную расторопность и активность [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1627 г., д. 1, л. 103–107].

Через год бий столь же резво покочевал в сторону Крыма, едва получив оттуда “ларчик золотых да сто кобыл, да питья телегу”. На упреки приближенных мирз Касим откровенно заявил, что “коли... ему крымской Мамбет Гиреи царь столко много своего жалованья прислал, и ему... как его жалованья не принять и к нему не ехать?” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 286, 287].

“Родства” Мамаевых и Ураковых со временем перевели свои улусы на территорию Крымского юрта и в основном пребывали уже в орбите политики Гиреев. Когда новый хан Джанибек-Гирей вытеснил с полуострова Мухаммед-Гирея с калгой Шахин-Гиреем, лидеры кланов Али Ураков и Бий Мамаев приняли сторону последних, но в баталиях потерпели поражение и отступили к Кубани. Касим, тоже боясь мести за поддержку свергнутого монарха, откочевал поближе к Астрахани и с легкостью (как всегда) объявил о желании находиться “под царского величества высокою рукою” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 2, л. 294, 301, 302].

Укрепившись у власти, Джанибек-Гирей вознамерился расквитаться с Малыми Ногаями за пособничество его соперникам. В сентябре 1629 г. на восток двинулось воинство Юрта во главе с ханским сыном Мубарек-Гиреем. Беззащитные перед этой армией, казыевцы тут же признали “ошибочность” своей прежней политической ориентации и поклялись на Коране в “послушании” хану; дальше, на черкесов, Мубарек-Гирей отправился уже в сопровождении малоногайских мирз с пятитысячным отрядом. Те дали ему “оброк: сто десять аргамаков, шестьдесят панцырей, сорок шапочек железных, тритцетерь наручи” [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 23, л. 259 об.–260 об.; ф. 127, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 12, 13]. В конце 1635 г. Али Ураков окончательно перевел свои улусы в Причерноморье и разместился “под Перекопью, а в Крым... для того не идет, что животине кормитца нечем”. Хан официально принял его в подданство [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 6; ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 2, л. 25].

Касим пытался удержать остатки распадающегося Юрта и отчаянно лавировал. То он зимовал в Крыму, то привечал у себя Шахин-Гирея, снова бежавшего в иранские владения на Кавказе. Информаторы доносили, что бий громогласно называет себя “холопом крымского царя и во всяких речех возвышает крымского ж царя”. Но русскому послу он внушал, будто “нигде в холопстве ни у какова государя не бывал, а кочюю, где похотел, по своей воле с своими улусы” [Акты, 1890, с. 37; Кабардино-русские отношения, 1957, с. 166, 167; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1630 г., д. 1, л. 56; 1632 г., д. 1, л. 161, 162, 346–349; 1636 г., д. 2, л. 26].

Декларации о “холопстве” малоногайского верховного предводителя встречали полное одобрение в Бахчисарае. Ханы и калги трактовали казыевцев как “карачеев”, “от отцов и дедов извеку холопов наших”, как своих слуг и рабов (карачимиз ва кулумуз – “наши карачеи и холопи” в русском переводе XVII в.) [Материалы, 1864, с. 39, 40; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 2, л. 46, 50; 1651 г., д. 1, л. 234, 235]. В России признавали прерогативы крымских правителей на господство над Малыми Ногаями и, не надеясь на собственные дипломатические усилия, в 1620-х годах просили уговорить тех не нападать на Русь. Мухаммед-Гирей III обещал “унять” казыевцев и в шертных договорах с Москвой гарантировал строгий запрет на набеги “всяким нашим воинским людем Крымского юрту и нагайским людем Дивеевым детем и улуса, и Казыева улуса всяким нагайским людем”. Аналогичные формулировки содержатся в шерти хана Джанибек-Гирея 1633 г. [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 24, л. 400об.–401; 1623 г., д. 7, л. 181; Савелов, 1906, с. 20, 21].

Следовательно, крымское правительство в самом деле считало себя в силах и вправе диктовать свою волю и политику Малой Орде. Но при этом оно продолжало относиться к ней настороженно. Казыев улус то и дело превращался в пристанище то Шахин-Гирея, то мятежных крымских мангытов-Мансуровых во главе с Хантимуром. В степняках оно видело скорее неприятельскую, нежели дружескую силу и поэтому так же, как и русские власти, стремилось или привлечь их на свою сторону, или максимально ослабить. Весной 1628 г. из Крыма вернулся домой мирза Хан-Мухаммед б. Касим с щедрыми подарками от Мухаммед-Гирея III и калги Шахин-Гирея. Те приглашали бия присоединиться к их походу к русским границам. Однако стало известно, что одновременно было послано предложение бесленеевским черкесам напасть на улусы Касима, когда он уйдет в поход [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г., д. 1, л. 283].

По причине все большего ослабления и развала Казыев улус в 1620–1630-х годах уже не представлял какого-либо интереса для Порты /23/. Посольский приказ от имени царя в 1621 г. известил султана, что “Казыева улуса мурзы учинились под великого государя нашего... высокою рукою, и он (султан. – В.Т.) бы в них не вступался” [РГАДА, ф. 77, оп. 1, д. 6, л. 372, 372об., 399, 399об.].

В самом деле, если просмотреть всю переписку Касима и мирз с Кремлем за 1620–1630-е годы, то может создаться впечатление, будто Малые Ногаи только и делали, что шертовали Михаилу Федоровичу и клялись ему в преданности. Да и русская сторона регулярно информировала азиатских и европейских монархов о верности казыевцев царю. Однако указанные заявления и ногаев, и русских расходились с действительным положением дел. Сановники Казыева улуса нередко были вынуждены твердить о своем дружелюбии к России, учитывая близость сильных астраханского и терского гарнизонов, а также промосковски в

целом настроенных донцов. Как в Астрахани, так и в Терском городке содержались аманаты, что не слишком связывало мирзам руки, когда менялась политическая конъюнктура. Балансируя между Россией и Крымом, они были готовы выразить свою лояльность кому угодно, если это сулило им поживу и оказывалось безопасным. Когда исходила угроза от Гиреев, казыевцы отводили улусы поближе к русским крепостям, под защиту воевод (тут-то и пригождались их частые шертования); если же возмущенные их вероломством русские власти и Большие Ногаи решались на отмщение за набеги, то они быстро перекочевывали к Азову или в Крымское ханство.

При этом различная политическая ориентация часто служила Ураковым и Мамаевым удобным и единственным предлогом для отказа от сотрудничества с Касимом и наоборот. Астраханские воеводы регулярно информировали Посольский приказ о ненадежности мирз. Значительная часть сведений поступала от Больших Ногаев. В частности, бий Канай разоблачал своего коллегу из Малой Орды, будто тот со своими сподвижниками “сказываются... государевы холопи и аманатов дают в... Астарахань... неправдою малых робят, за которых им и стоять не за што (т. е. которые не имеют ценности. – В.Т.), на то надеясь, что от Астарахани от... государевых людей на них (казыевцев. – В.Т.) воины не бывает” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1633 г., д. 2, л. 4].

Весной 1633 г. терпение московского правительства иссякло. Велено было собирать большой поход на Казыев улус. Войско возглавили князя В.И.Туренин и П.И.Волконский; к этой рати по государеву указу должны были присоединиться двадцать детей боярских из “низовых” городов, двести астраханских стрельцов, терские служилые люди, гребенские и донские казаки, Большие Ногаи, кабардинские князя и шамхал. В июне и июле к Маджарскому городищу (к тому времени уже оставленному Малыми Ногаями) сходились отряды. Бий Касим тем временем кочевал вместе с Али Ураковым, получая донесения обо всех этих приготовлениях от астраханских татар. В любой момент Касим и Али были готовы сняться с места и уйти в Крым или в Кабарду (о том, чтобы принять бой, разговора и не заходило).

В ходе продвижения русского воинства случайно погиб воевода Туренин. Волконский повел всех собравшихся под его начало ратников (кроме опоздавших донцов) на запад. От разведчиков было известно, что Касим разместил улусы в урочище Ачил под Азовом, куда и обрушился основной удар. Сам бий заблаговременно оставил подданные стойбища, которые подверглись семидесятидневному грабежу и погрому. Две тысячи казыевцев угодили в плен, в том числе касимовы внуки и племянники. На возвращавшихся с этим полонем Больших Ногаев во главе с кековатом Джан-Мухаммедом напали донцы, отняли всю добычу и сразу отписали в Москву, будто победили казыевцев, отбив у них русских пленных (за что получили в ответ упреки в лжи) (об этих событиях см.: [Материалы, 1864, с. 57, 58, 61; Попко, 1880, с. 54, 55; Щелкунов, 1915, с. 128; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1633 г., д. 2, л. 354–356, 360, 370–372, 393, 399–401, 427; д. 3, л. 21–23]).

В целом эта кампания нагнала страху на степняков, но не смогла вынудить их изменить общую стратегию – лавирование между Бахчисараем и Москвой. По-прежнему налеты на “украины” перемежались с заверениями в лояльности. Причем, теперь Ураковы с Мамаевыми и Касим со своими родичами-

Шейдяковыми обвиняли друг друга перед царем и ханами в лицемерии, выставляя лишь себя верными заключенным шертям.

В отношениях с княжествами Северного Кавказа Малая Ногайская Орда продолжала придерживаться союза с шамхалом, а среди кабардинских владетелей в 1620-х годах выбрала для альянса князя Алегука Шеганукова и князей Идаровых (“темрюцких черкас”). Соответственно противниками их стали соперники Алегука – правители так называемой Малой Кабарды Шолох Тансаруков и его родичи. Шамхальство служило также звеном связи казыевцев с Ираном и подвизавшимся на шахской службе Шахин-Гиреем, да и сам шамхал Ильдар Тарковский координировал с мирзами свои внешнеполитические предприятия (см.: [Памятники, 1898, с. 388; РГАДА, ф. 121, оп. 1, 1626 г., д. 2, л. 3; 1630 г., д. 1, л. 77–79]).

С Алегуком же наиболее тесные связи установил Али Ураков, который дал князю заложников, иногда жил в его владениях “з дворами своими и с улусы своими” и убеждал московского царя верить Алегуку “во всяком деле” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1629 г., д. 1, л. 313, 314]. Сам Алегуко, а еще более его союзники-темрюковцы, служили надежным тылом Малым Ногаям: во время похода Волконского 1633 г. они прислали пятьсот человек в помощь Касиму, рассчитывавшему при подходе царской рати уйти в Большую Кабарду. Доводилось и Касиму посылать своих ополченцев на подмогу друзьям-черкесам в их междоусобной борьбе (см.: [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1633 г., д. 1, л. 86; д. 2, л. 355, 356, 393]). Соответственно враги Алегука на Кавказе оставались неприятелями и для Казыева улуса. Конники князя Шолоха нападали на ногайские кочевья, разоряя становища и угоняя скот.

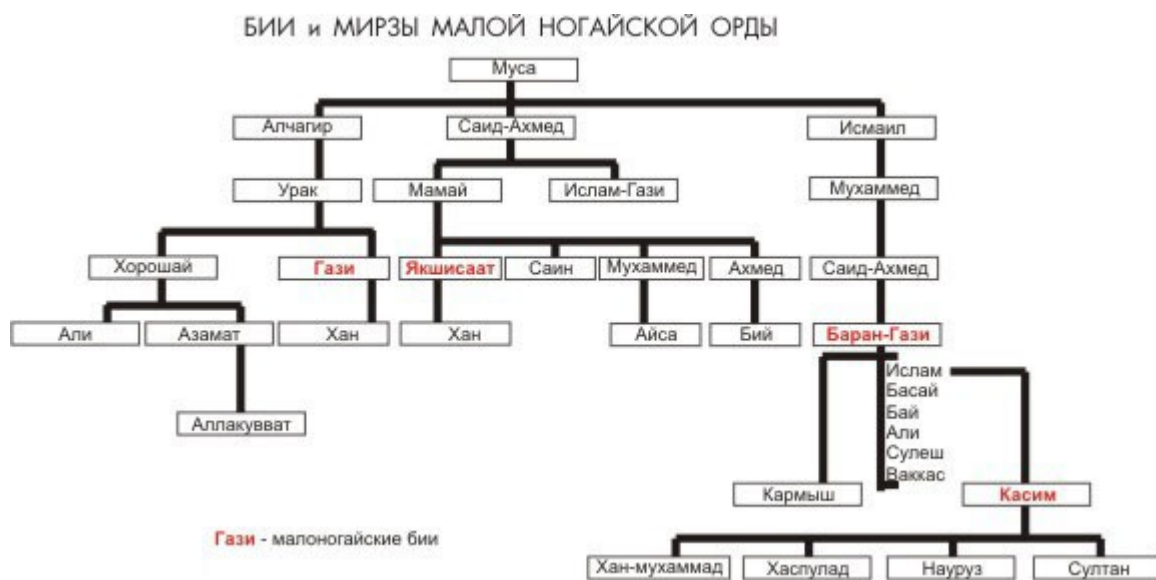
В конце 1639 или в 1640 г. функционер Посольского приказа сделал “выпись”, гласящую, что в нынешнем 148 году в Москву явился посол от касаяевых детей с новостью: “Касая князя не стало, а дети ево хотят государю служить так же, как и отец их Касай князь служил” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1640 г., д. 8, л. 212]. В наказе послам в Кахетию от декабря 1640 г. тоже содержится информация о том, что “ныне Касая князя Исламова не стало” [Посольство, 1928 с. 43].

Судьба распорядилась таким образом, что последний казыевский бий умер вскоре после кончины последнего бия Большой Ногайской Орды Каная. Ни в той, ни в другой части бывшей ногайской державы верховный правитель впоследствии не появлялся. Остатки государственной организации ногаев сошли на нет. Но память о Касиме б. Исламе, в отличие от его заволжского коллеги, осталась в народной памяти надолго. Поскольку кланы Ураковых и Мамаевых переселились в Крым, то собственно Казыев улус потомки стали связывать исключительно с именем лидера оставшейся на прежних кочевьях “половины”. Этнографические материалы XVIII–XIX вв. зафиксировали убеждение ногайцев в том, будто “все мурзы Малого Ногай произошли от одного Касая” и “потому все вообще донине называются Касаяевы дети” – Касай улы. Подразделения “Малого Ногай” в XIX в. носили имена касимовых сыновей: Каспулат-улы, Навруз-улы и Султан-улы [Архипов, 1855, с. 119; Бутков, 1869, с. 1869, с. 170; К.Д.Э., 1834] /24/.

История Малой Ногайской Орды представляет собой пример угасания кочевой политической структуры, лишенной земледельческой подпитки, стабильной системы передвижения народа и стад, стройной организации налогообложения и

мобилизации ополчения. В целом судьба Малых Ногаев иллюстрирует уход номадов с мировой исторической арены в позднем средневековье.

Несмотря на утрату политической самостоятельности, потомки жителей ногайских Орд стали важным элементом этнической карты Юга России. Ногайцы принимали участие во всех бурных событиях региона, тесно контактировали с народами края. Отношения между ногайцами и другими кавказскими народами являются необходимым звеном в общей геополитической ситуации, и без учета участия ногайцев освещение многих исторических и современных событий на Северном Кавказе окажется неполным.

/ Примечания /

/ 2 / В качестве аргумента Х.Иналджык приводит данные хрониста Саид-Мухаммеда Ризы (середина (v.)) о переселении Сахиб-Гиреом ногайских “племен” орак, касай, ур-мехмед и токуз в Буджак. Однако сочинение Ризы – поздний источник, и перечисленные этнонимы тоже явно более позднего, чем первая половина (v., происхождения. Например, ур-мехмед – это потомки и улусы большеногайского бия Ураз-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда, умершего в 1598 г. С.Тунманн, собравший в (v. сведения о Крымском ханстве, сообщил, что Малые Ногаи являются потомками ногаев Астраханского ханства – или увезенные в крымский плен Мухаммед-Гиреом (, или же добровольно переселившиеся из-за Волги на запад (особенно после падения Астраханского юрта) (Тунманн, 1991, с. 62). Но во время написания труда Тунманна ногаи бывших Большой и Малой Орд успели смешаться с ногаями Крыма, к которым в основном и относятся данные об этих переселениях.

/ 3 / Б. – обычное в русскоязычной литературе обозначение элемента мусульманского имени “ибн” (сын),. Гази б. Урак б. Алчагир – Гази, сын Урака, сына Алчагира.

/ 4 / Нурадин – второе лицо после бия в Ногайской Орде, правитель ногайских кочевий в Поволжье и глава правого крыла ополчения.

/ 5 / Переволока – место, где Волга более всего сближается с Доном; в 1589 г. там был основан Царицын.

/ 6 / Во всех цитатах выделено мною.

- / 7 / “Тенехмат” – сын и преемник Исмаила, бий Дин-Ахмед (правил в 1563–1578 гг.).
- / 8 / В неопубликованной диссертации 1938 г. М.Г.Сафаргалиев написал, что название “Малые Ногаи” впервые употребляется в 1600 г. [Сафаргалиев, с. 160]. Позднее он, очевидно, посчитал сведения “Книги Большому Чертежу” более надежными.
- / 9 / Тайбуга – наместник северо-восточных территорий Ногайской Орды.
- / 10 / Д.И.Багалеи предположил, что Казыев улус являлся одним из подразделений Малой Ногайской Орды (в “Книге Большому Чертежу” одновременно упоминаются Малые Ногаи и Малые Ногаи Казыева улуса) [Багалеи, 1887, с. 77]. Малая Орда действительно содержала ряд отдельных образований–“половин”. Но Казыева улуса среди них не было; это название, судя по известным мне материалам, служило ее синонимом. Разночтения же в “Книге Большому Чертежу” объясняются, возможно, широким расселением Малых Ногаев в южных степях, и под Казыевым улусом значилась их первоначальная территория на Северо-Западном Кавказе, а под Малыми Ногаями – область расселения за ее пределами.
- / 11 / Мангыты – кипчакское племя (эль), из которого происходил правящий клан ногаев. В восточных источниках жители Ногайской Орды часто именовались мангытами.
- / 12 / Развалины Маджара находятся у города Прикумьск Ставропольского края. Кроме того, тоже на реке Куме располагаются городища Малые и Верхние Маджары (в нескольких километрах соответственно ниже и выше Маджара). В золотоордынскую эпоху эта территория была сплошной зоной оседлости. В Маджаре и Малых Маджарах сохранились остатки жилищ и мавзолеев [Егоров, 1985, с. 122, 123]. Думается, под “Можарским городищем” Малые Ногаи подразумевали центральный пункт данной агломерации – руины Маджара
- / 13 / Подробнее о следах пребывания ногаев на Северо-Западном Кавказе в топонимике абазин, адыгов, карачаевцев и осетин см.: [Булгарова, 1999, с. 48].
- / 14 / О событиях, которые происходили в Ногайской Орде в середине XVI в., подробно см.: [Трепавлов, 2001, гл. 6, 7].
- / 15 / А.А.Новосельский счел, что Гази являлся “как бы аталыком (т. е. дядькой-воспитателем. – В.Т.) царевичей Гиреев, которых он принимал, содержал и воспитывал в своих улусах” (Новосельский, 1948а, с. 16). Относительно воспитания крымских султанов малоногайским бием и его аталычества мне не удалось обнаружить в источниках никаких указаний.
- / 16 / Шерть (шарт-наме) – договор между двумя государями; как правило, с определением взаимных обязательств.
- / 17 / Эту причину ухода Малых Ногаев от Астрахани назвал в 1628 г. казыевский мирза Али Ураков: “И при Урусе князе так же мы (с астраханцами. – В.Т.) в миру были и аманаты давали. И после того нагаицом нас велели повоевать. И ныне б так не учинити” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1628 г. д. 2, л. 296–297].
- / 18 / В другой грамоте главы родов перечислены другие и по-иному: Касим (Касай) Шейдяков, Али б. Хорошай Мамаев (надо: Ураков) и Айса б. Мухаммед Ураков (надо: Мамаев) [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1615 г., д. 7, л. 1].
- / 19 / Впервые казыевские мирзы угодили в заложники, очевидно, в самом начале 1590-х годов. Басай, Бай, Али, Сулеш и Ваккас Шейдяковы, Айса Мамаев и Хаджике Юсупов “взяты были... саблюю, как Уруса князя убили” (1590 г.) и помещены на астраханский Закладной двор [Акты, 1918, с. 122; РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1603 г., д. 3, л. 133].
- / 20 / Перехваченную грамоту ханские гонцы везли к бию Большой Ногайской Орды Канаю. Когда в Астрахани ее вскрыли, оказалось, что бахчисарайская

канцелярия перепутала адресатов, и за Волгу было послано письмо, предназначенное для “Касая” (Касима), а не для Каная.

/ 21 / Кековат – правитель ногайских кочевий в Казахстане и глава левого крыла ополчения. Во времени описываемых событий эта должность существовала уже только формально.

/ 22 / Осознание общности и родства между Большими и Малыми Ногаями никогда не забывалось, но начиная с 1550-х годов почти всегда было омрачено политическими разногласиями. Лишь распад Ногайской Орды привел население обоих ногайских Юртов к стихийному смешиванию улусов и маршрутов кочевий, к некоему подобию единства ногаев. В 1626 г. астраханские воеводы докладывали: “И ногайские... многие люди с казыевскими тотары промеж собою в свойстве и в ближнем племяни; потому что ногайские люди у казыевских людей женятца, а казыевские у ногайских людей женятца. А иных... ногайских людей отцы и матери, и братья многие живут в Казыеве улусе, а казыевских татар отцы и матери, и братья живут у ногайских татар, и промеж собою ссылаютца и съезжаютца” [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1626 г., д. 1, л. 100–101].

/ 23 / Вся ситуация в Малой Ногайской Орде опровергает мнение С.Э.Родона о том, будто она служила опорой азовских турок в их борьбе против донцов [Родона, 1955, с. 12]. Малые Ногаи никогда не представлялись донским казакам серьезной угрозой, и османские азовские паши едва ли могли рассчитывать на существенную помощь со стороны слабых и раздробленных казыевцев.

/ 24 / В XVII в. казыевские мирзы, конечно, сознавали, что родословная их более сложна. Для уравнивания в статусе со знатью Большой Ногайской Орды ими была разработана генеалогическая схема, по которой Шейдяковы объявлялись потомками бия Саид-Ахмеда б. Мусы, тогда как на самом деле происходили от мирзы Саид-Ахмеда б. Мухаммеда б. Исмаила б. Мусы. При этом Саид-Ахмед б. Муса трактовался как первый бий Малой Орды, от которого якобы и “пошли Малово Ногаю мурзы” [РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 32, л. 22, 24]; см. также: [Трепавлов, 1997, с. 45].

Литература

Акты, 1890 – Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890.

Акты, 1918 – Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). М., 1918.

Алексеева, 1957 – Алексеева Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии XVI–XVII вв. Черкесск, 1957.

Ананьев, 1900 – Ананьев Г. Караногайские исторические предания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900.

Ананьев, 1909 – Ананьев Г. Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 2. Ставрополь, 1909.

Архипов, 1855 – Архипов А.П. Три отрывка из сочинения о ногайцах и туркменах // Кавказ. 1855. № 29.

Багaley, 1887 – Багaley Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887.

Белокуров, 1888 – Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского Гл. архива МИД. Вып. 1 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1888. Кн. 3 (146).

Бентковский, 1883 – Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ч. 1. Ставрополь, 1883.

Булгарова, 1999 – Булгарова М.А. Ногайская топонимия. Ставрополь, 1999.

Бутков, 1869 – Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803

год. Ч. 1. СПб., 1869.

Волкова, 1974 – Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974.

Гераклитов, 1923 – Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.

Головинский, 1878 – Головинский П.А. Кумыкские ногаи // Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1878.

Евстигнеев, 1995 – Евстигнеев Ю.В. Ногаи и ногайцы // Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СПб., 1995.

Егоров, 1985 – Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Жирмунский, 1974 – Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.

Записки, 1988 – Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988.

Кабардино-русские, 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957.

Калоев, 1993 – Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа (с древнейших времен до начала XX века). М., 1993.

К.Д.Э., 1834 – К.Д.Э. О нагайском племени татар // Санкт-Петербургские ведомости. 1834. № 96

Книга, 1850 – Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Нормантского // Временник Московского общества истории и древностей российских. 1850. Кн. 5.

Книга, 1950 – Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950.

Кушева, 1963 – Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963.

Летописец, 1895 – Летописец русский // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1895. Кн. 3.

Материалы, 1864 – Материалы для истории Крымского ханства. СПб., 1864.

Мутенин, 1948 – Мутенин И.Т. Исторические сведения о ногайцах и караногайцах, населяющих Грозненскую область // Изв. Грозненского обл. инст. и Музея краеведения. Вып. 1. Грозный, 1948.

Новосельский, 1948а – Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.

Новосельский, 1948б – Новосельский А.А. Из истории донской торговли в XVII веке // Исторические записки. Т. 26. М., 1948.

Новый, 1853 – Новый Летописец // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 17. М., 1853.

Памятники, 1890 – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890.

Памятники, 1892 – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. СПб., 1892.

Памятники, 1898 – Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. СПб., 1898.

Памятники, 1913 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 5. СПб., 1913.

Попко, 1880 – Попко И.Д. Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Вып. 1. СПб., 1880.

Посольство, 1928 – Посольство князя Мышецкого и дьяка Ивана Ключарева в Кахетию. 1640–1643 гг. Тифлис, 1928.

Продолжение, 1793 – Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. 9. СПб., 1793.

Путешествия, 1954 – Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные

списки. М.; Л., 1954.

Разрядная, 1989 – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. М., 1989.

Родоная, 1955 – Родоная С.Э. Борьба донского казачества с турецко-татарской агрессией в первой половине XVII в. и его взаимоотношения с Грузией. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1955.

Савелов, 1906 – Савелов Л.М. Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С.И.Тарбеева в Крым, 1626–1628 гг. Симферополь, 1906.

Садиков, 1947 – Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. Т. 22. 1947.

Сафаргалиев, 1938 – Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда в середине ((в. Канд. дисс. М., 1938.

Сафаргалиев, 1949 – Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда во второй половине ((века // Сб. науч. работ Мордовского гос. пед. института. Саранск, 1949.

Сборник, 1879 – Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

Сикалиев, 1994 – Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.

Статейный, 1892 – Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 15. 1892.

Сухоруков, 1903 – Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903.

Трепавлов, 1997 – Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, ((-(((вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997.

Трепавлов, 2001 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Тунманн, 1991 – Тунманн [С.] Крымское ханство. Симферополь, 1991.

Щелкунов, 1915 – Щелкунов С.З. Донские атаманы первой половины (((в. // Сб. Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 13. Новочеркасск, 1915.

Эвлия Челеби, 1979 – Эвлия Челеби. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника (((в.). Вып. 2. М., 1979.

Bennigsen, Lemerrier-Quelquejay, 1973 – Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. La Moscovie, l'empire ottoman et la crise successorale de 1577 – 1588 dans le khanat de Crimée // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. Vol. 14. (4.

Bennigsen, Lemerrier-Quelquejay, 1976 – Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. La Grande Horde Nogay et le problème des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'études turques. 1976. T. 8. (2.

Inalcik, 1948 – Inalcik H. Osmanli-Rus rekabetinin mensei ve Don-Volga kanali tesebbüsü (1569) // Belleten. Türk Tarih kurumu. 1948. Cilt 12. Sayı 46.

Kappeler, 1992 – Kappeler A. Moskau und die Steppe: das Verhältnis zu den Nogai-Tataren im 16. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1992. B. 46.

Kurat, 1961 – Kurat A.N. The Turkish expedition to Astrakhan' in 1569 and the problem of the Don-Volga canal // Slavonic and East European Studies. 1961. Vol. 40. (94.

The North, 1992 – The North Caucasus Barrier. The Russian Advance Towards the Muslim World. Ed. by M.Bennigsen Broxoup. L., 1992.

Vernadsky, 1953 – Vernadsky G. The Mongols and Russia. New Haven, 1953.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей (т. 13, ч. 1. СПб., 1904; т. 20, 1-я половина. СПб., 1914; т. 31. М., 1968; т. 40. М., 1978)

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российской государственный военно-исторический архив